

ХАРЬКОВЪ.

ПРИБАВЛЕНИЯ КЪ ХАРЬКОВСКИМЪ ГУБЕРНСКИМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ.

(Выходятъ по Понедѣльникамъ, Средамъ и Пятницамъ).

(ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ).

Подписанная цѣна на Прибавленія:
Безъ доставки и Съ доставкою
пересылки. и пересылкою.
За годъ 2 р. 2р. 50 к. с.
— полгода 1 р. 25 к. 1 р. 60 к. с.
На Губернскія Вѣдомости:
Безъ переплета . . . 3 р. сер.
Въ переплѣтѣ . . . 3 р. 85 к.
За доставку на дому или пе-
ресылку по почтѣ въ годъ 50 к.

№ 112.

ПОНЕДѢЛЬНИКЪ.

12-е Ноября.

1862.

Подписавшіеся на оба изданія
платить за пересылку или до-
ставку только 50 коп. сереб.

Подписка принимается въ Кон-
торѣ Редакціи, въ нижнемъ эта-
жѣ дома Губернскихъ Присут-
ственныхъ мѣстъ.

Частныя объявленія принима-
ются за букву и цифру по $\frac{1}{7}$,
коп. сер. за каждый разъ.

Статьи для напечатанія и вообще всякаго рода извѣстія просятъ присыпать на имя Редактора.

СОДЕРЖАНИЕ: Отъ Редакціи.—Протоколъ собранія харьковскаго медицинскаго общества, 20 октября 1862 г.—На дорогѣ.—Частныя объявленія.—

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Открыта подписка на получение «Губернскихъ Вѣдомостей» и «Прибавленій» на 1863 годъ.

Подписанная цѣна на «Губерн. Вѣдомости» и «При-
бавленія» и въ будущемъ 1863 г. остается также,
что и въ настоящемъ, а именно:

Губерн. Вѣдом. безъ переплета 3 р. сер.
— — въ переплѣтѣ 3 р. 85 к.

За доставку на дому или пересылку по почтѣ
въ годъ 50 к.

«Прибавленія»: безъ доставки и пересылки:

— — за годъ 2 р. с.

— — — полгода 1 р. 25 к.

— — съ доставкою и пересылкою:

— — за годъ 2 р. 50 к. с.

— — — полгода 1 р. 60 к.

Подписка принимается въ Конторѣ Редакціи,
въ нижнемъ этажѣ дома присутственныхъ мѣстъ.

ПРОТОКОЛЪ СОБРАНИЯ

ХАРЬКОВСКАГО МЕДИЦИНСКАГО ОБЩЕСТВА,

20-го октября 1862 г.

Въ собраніи общества 20 октября происходило
следующее:

1. Читанъ и подписанъ протоколъ предыдущаго
собранія.

2. Гг. проф. Лазаревичъ и Питра изъявили же-
ланіе быть принятными въ число членовъ общества.
Опредѣлили: принять гг. Лазаревича и Питру въ
члены общества.

3. Г. секретарь общества прочелъ извлеченіе
изъ брошюры, полученной имъ изъ Парижа отъ
американскаго доктора Кютера о физиологическомъ
и терапевтическомъ дѣйствіи veratrum veride, нова-
го средства, съ иѣкотораго времени съ большимъ
успѣхомъ употребляемаго—въ медицинѣ. Оно ра-

стеть въ Америкѣ между Канадою и Жеоржиною, въ медицинѣ употребляется его корень и преимущественно спиртной его настой (*tinctura*) черезъ 2 часа отъ 5 до 8 капель. Употребляется онъ противъ лихорадокъ, воспаленій, противъ ревматизма и сыпей. Дѣйствіе его можно сравнить съ дѣйствіемъ наперсточной травы, рвотнаго камня и кровопускания.

4. Г. Пономаревъ рассказалъ исторію больного, 23 л. довольно крѣпкаго тѣлосложенія, страдавшаго *pollutionibus nocturnis*. Больной въ продолженіи 7 мѣсяцевъ лечился у него, при чемъ множество фармацевтическихъ средствъ, какъ-то *ecl. nucis vomicae, kali bromatum, belladonna etc.* не принесли ему никакой пользы. Г. Пономаревъ обратилъ вниманіе на гигиеническія условия: образъ жизни, пищу, гимнастическая упражненія и проч.—при этихъ условіяхъ онъ достигъ довольно хорошихъ результатовъ, но *pollutiones* все еще продолжались и бывали на 5, 6 день. Это заставило г. Пономарева обратиться къ обществу съ вопросомъ: что дѣлать въ настоящемъ случаѣ? Г. Лазаревичъ, разсказавъ нѣсколько подобныхъ случаевъ изъ своей практики, сообщилъ слѣдующее свое мнѣніе, что соблюденіе гигиеническихъ мѣръ въ этихъ случаяхъ есть первое условіе для выздоровленія больного; необходимо следить за правильнымъ пищевареніемъ, чтобы стулъ былъ ежедневный и притомъ лучше въ вечеру, чтобы мочевой пузырь небыть очень наполненъ, спать долженъ больной не на очень мягкой постелѣ и укрываться не очень легко и не очень тепло и наконецъ самое главное—наблюдать за правильнымъ отправленіемъ *organum sexualium*. Съ этимъ мнѣніемъ были согласны всѣ члены общества. Г. Ламбль замѣтилъ не было ли въ разсказанномъ случаѣ страданія *prostatae?* и предлагалъ противъ *pollutiones* особенный инструментъ, придуманный г. Труссѣ, употребляемый съ цѣлью прижать семяинные пузырьки. Г. Грубе, имѣя этотъ инструментъ въ клиникѣ, показалъ его членамъ общества. Г. Франковскій предлагалъ слѣдующія фармацевтическія средства: особамъ сангвинического темперамента съ зритическимъ характеромъ болѣзни *belladonna*; тамъ-же, где характеръ болѣзни болѣе торpidный—*ecl. nucis vomicae* и друг.

5. Г. Грубе сообщилъ очень интересный и рѣд-

кий случай перемѣщенія органовъ (*situs mutatus organorum*), найденный при вскрытии умершаго въ клиникѣ больного. Существование перемѣщенія было подозреваемо еще при жизни больного и вполнѣ подтверждалось при вскрытии. Этотъ случай, равно какъ и множество другихъ указываютъ на важность и необходимость вскрытия умершихъ, на которое у насъ, къ сожалѣнію, публика до сихъ поръ смотритъ какимъ-то страннымъ взглядомъ. Вскрытие умершаго въ настоящемъ случаѣ стоило проф. Грубе множества хлопотъ и заботъ, что-бы уговорить несоглашавшихся на вскрытие родственниковъ умершаго!!

6. Затѣмъ шло разсужденіе объ эпидемическомъ характерѣ болѣзней, существующемъ въ настоящее время въ Харьковѣ. Г. Ковалчуковъ сообщилъ, что лихорадочные болѣзни самые частыя, что онѣ имѣютъ вначалѣ типъ перемежающійся, а потомъ принимаютъ характеръ, похожій на тифозное состояніе. Г. Франковскій подтвердилъ тоже самое, прибавивъ, что означенныя лихорадочные болѣзни очень часто сопровождаются катарральнымъ страданіемъ грудныхъ и брюшныхъ органовъ. Г. Костенко прибавилъ, что подобныхъ случаевъ было въ клиникѣ 10. Замѣчены были также частые случаи кори (*morbilli*) не только у дѣтей, но и у взрослыхъ, а также и воспаленіе легкаго (Томашевскій).

Секретарь общества Д. Киселевъ.

НА ДОРОГѢ.

(Продолженіе.)

Чистая комната была всего одна на постояломъ дворѣ и потому пріѣзжие пришли туда-же, где былъ и Петровскій, который въ молодомъ человѣкѣ узналъ студента, кончившаго курсъ въ прошломъ году. То былъ математикъ Ожинцевъ, слегка знакомый Петровскому.

—Вы, пожалуйста, извините насъ съ сестрой, если мы попросимъ у васъ половину помѣщенія, сказалъ

онъ, пожимая руку Петровскому, дѣваться некуда: всего одна комната.

— Что за церемоніи въ дорогѣ; неугодно ли чаю? — Мы только хотѣли просить васъ обѣ этомъ, сказала густымъ мелодическимъ голосомъ дѣвушка, и вы гораздо лучше сдѣлаете, если все передадите на руки мнѣ: — я напою васъ всѣхъ славнымъ чаемъ. Петровскій немного склонилъ голову, прислушиваясь къ этой открытой, льющейся интонациѣ.

— Извольте, распоряжайтесь какъ угодно, сказаль онъ, передавая ей чай и сахаръ.

Но горничная внесла въ комнату большую шкатулку, изъ которой явилось все необходимое къ чаю. Петровскій только наблюдалъ какъ живо бѣгали отъ одного предмета къ другому маленькие, бѣлые пальцы дѣвушки. Скоро долитой самоваръ засипѣль снова и новые знакомые усѣлись вокругъ широкаго, дубового стола. Ожинцевъ, тяжело вздохнувшіи отъ усталости и тряской дороги, принялъ съ усердіемъ за чай.

— Такъ вы отправляетесь на кондицію, сказаль онъ выпивши нѣсколько стакановъ, когда Петровскій рассказалъ ему о томъ, куда онъѣхалъ, а я теперь, слава Богу, на-всегда развязался съ этими кондиціями, (что-бѣ имъ пусто было!) отправляюсь управлять желѣзнымъ заводомъ графа М., жалованье порядочное, да и мѣсто не глухое, городъ верстахъ въ десяти; вотъ сестра со мнойѣдетъ смотрѣть за хозяйствомъ. Надѣюсь намъ будетъ хорошо; мы оба довольны, что вырвались на волю.

— А вамъ еще долго быть въ университетѣ, спросила Петровскаго молодая дѣвушка, которую Ожинцевъ называлъ Ольгой.

— Да еще два года пробуду.

— А не наскучило вамъ заниматься постоянно?

— Нѣтъ, время студенчества такъ коротко, что наскучить не успѣть, да ктому-же много товарищѣй; жизнь безъ-особенно важныхъ заботъ, — пользуясь жизнью по возможности, зная, что она въ другой разъ не вернется.

— Я сама думала такъ, вѣдь молодость скоро проходитъ, а студентская жизнь, всѣ говорятъ, очень весела.

— Не такъ весела, какъ ты думаешьъ, сказаль Ожинцевъ.

Разговоръ долго продолжался въ этомъ родѣ; Ожинцевъ разсказывалъ о своихъ планахъ по устройству завода, о томъ какъ онъ произведетъ тамъ коренные реформы, какъ увеличитъ доходы по крайней мѣрѣ вдвое, какъ заведеть все по иностранному образцу. Ольга очень мило подсмѣивалась наъ сомнительнымъ рвениемъ флегматика брата и рассказывала о своихъ хозяйственныхъ планахъ. Петровскій при этомъ мало говорилъ; онъ только слушалъ, стараясь понять, что за женщина была эта Ольга. Ея пылкость и увлеченіе, съ которымъ она говорила, очень нравились ему.

— Ты впрочемъ, Ольга, не слишкомъ фантазириуй, сказалъ Ожинцевъ, сначала конечно тебя и зайдетъ новая жизнь наша, но потомъ, я увѣренъ, ты будешь сильно скучать; общество ты будешь видѣть рѣдко, занятій и удовольствій, такъ сказать дѣйствующихъ на душу—нѣтъ, ну что будешь дѣлать тогда?

— Ты странно судишь, Ипполитъ, и ограниченно; кромѣ хозяйства, которое будетъ занимать большую часть моего времени и которое я желаю понять серьезно, я буду заниматься музыкой, будемъ выписывать три, или четыре журнала; станемъ читать ихъ, говорить о прочитанномъ..... кромѣ этого у меня есть еще одинъ планъ, одно намѣреніе: я хочу при заводѣ устроить иѣчто въ родѣ школы, въ которой я буду учить дочерей рабочихъ грамотѣ и рукодѣлью.

Ожинцевъ недовѣрчиво засмѣялся.

— Ну, это мы еще посмотримъ, какъ у тебя достанетъ терпѣнія.

Ольга ничего не отвѣчала ему и обратилась къ Петровскому:

— Разскажите и вы намъ о своихъ планахъ и о своей дѣятельности.

— Моя дѣятельность еще не скоро выступить на сцену.

— А кондиції?

— Кондиції, сказаль Петровскій и при этомъ лицо его судорожно подернулось, да знаете-ли что ни-чего не можетъ быть хуже этого рода занятій. Меня теперь только то и утѣшаетъ, что занятія эти для меня временные, —иначе пришлось бы съ ума сойти. Это сушитъ и умъ, и сердце; уничто-

жаетъ подъ часъ всякую вѣру въ человѣка.

— Ну, это вы кажетсяе слишкомъ увлекаетесь, сказала Ольга Алексѣвна, я понимаю, что это занятие скучно, что оно поставляетъ часто въ непріятную зависимость, но что-бы оно сушило умъ!...

— Вы не вѣрите, но если-бы вамъ пришлось, какъ мнѣ, съ четырнадцати лѣтъ испытывать это, то заговорили-бы тоже самое. Въ домѣ, начиная отъ господъ и до лакеевъ смотрѣть на васъ, какъ на что-то лишнее; дѣти балуются, лѣнятся, вы за все отвѣчаете, а тутъ еще, какъ попадутся такие воспитанники, какъ у меня были въ прошломъ году—Боже мой! что за мученія переносилъ я: неразвитость, грубость, дерзость—дошли въ нихъ до крайности; злишься бывало каждую минуту, въ душѣ возникаетъ такая ненависть, такая злоба къ нимъ, что становить совсѣмъ и съ каждымъ днемъ все это накапливается больше и больше, по неволѣ дѣлаешься угрюмъ, сосредоточенъ; при разговорахъ съ родителями языкъ не повернется сказать въ пользу ихъ дѣтей доброго слова, хочется и имъ дать понятіе обѣихъ нихъ,—конечно въ этомъ не успѣшь и только ихъ вооружаешь противъ себя. И поговорить-то откровенно бываетъ не съ кѣмъ, не съ кѣмъ скучки развѣять и тоски розогнать. Я теперь самъ чувствую, что у меня характеръ портится; хорошо еще, что прѣдѣшь въ городѣ и опять попадешь въ кругъ товарищей, заживешь, хоть на время, опять на распашку. Станетъ скучно на квартире толковать съ безтолковымъ ученикомъ, или никровертиться съ хозяйкой и идешь къ товарищамъ; денегъ нѣтъ, комната тѣсная, грязная—единственное угощеніе самоваръ на столъ,—и закипаетъ бесѣда, дуются рѣчи, открывается душа людямъ сочувствующимъ и испытавшимъ всѣ эти невзгоды.

— Но вѣдь не всѣ—же изъ вѣра есть занимаютъ кондиціи, есть вѣроятно люди и съ состояніемъ.

— Видите,—нашъ кружокъ, хотя мы и изъ одной гимназіи, состоятъ изъ людей бѣдныхъ, происхожденія незнатнаго; большая часть изъ насы сами пробивали себѣ дорогу въ жизни, да и естественно, что люди одного положенія, съ одними только надеждами въ будущемъ, тѣснѣ сходятся между собою. Я вамъ признаюсь, что никогда не чувствовалъ, да кажется и не буду чувствовать настоящ-

щей дружбы къ аристократу и богачу, въ этомъ убѣдили меня нѣсколько случаевъ.

— Я вѣрю этому; аристократъ съ самого рожденія окружены совершенно другими обстоятельствами; ему вѣбаются съ дѣтства другія понятія, другое направление и какъ-бы онъ не былъ развитъ и благороденъ, но все-таки не будетъ въ силахъ совершенно отрѣшиваться отъ аристократическихъ предубѣждений.

— Пора отправляться Ольга, сказалъ Ожинцевъ, ужъ намъ и лошадей подали.

Скоро все было собрано и новые знакомцы стали усаживаться по своимъ экипажамъ.

— Знаете что, сказала Ольга, обращаясь къ Петровскому, намъ не мѣшало-бы и на слѣдующей станціи остановиться вмѣстѣ, это гораздо веселѣй.

— О, конечно, возразилъ тотъ, стоя на подножкѣ экипажа. Они поѣхали. Жаръ сталъ спадать; въ полѣ поднялся небольшой вѣтерокъ и потому нашимъ путникамъ было хорошо. Петровскій скинулся фуражку, разстегнулъ сюртукъ и съ наслажденіемъ подставлялъ грудь свою вольному полевому воздуху; лошади бѣжали шибко, дорога гладкая, впереди въ небольшомъ разстояніи виднѣлся экипажъ Ожинцевыхъ, даже при пристальномъ разматриваніи можно было замѣтить бѣлый платокъ, который Ольга накинула на голову отъ жару. Начинавшаяся прохлада пробуждала жизнь и въ безмолвной до толь стени; начинали вскрикивать перепелки, жалобно пищали возлѣ небольшихъ болотъ чибеса; кобчики около самыхъ колесъ стремительно прорѣзывали воздухъ, гонясь за мелкими птичками: вотъ одинъ понесся въ полнебесье все выше и выше; предъ нимъ мчится маленькая овсянка, бѣдная птичка летитъ изо всѣхъ силъ, но онъ съ одного взмаха взвился выше ее, перевернулся и схватилъ ее снизу и помчался въ сторону съ своею добычею; только что Петровскій утерялъ его изъ виду, какъ замѣтилъ коршуна, который тяжело подымался, держа въ когтяхъ овражка....

«Хорошо такъ Ѳхать, думалъ Петровскій, и спокойно, и неутомительно. да еще впереди предстоитъ пріятный вечеръ въ обществѣ хорошенъкой дѣвушки, а вотъ года два тому назадъ тяжелый былъ путь, не приведи Господи испытывать его въ другой разъ....» и ему ясно и отчетливо представи-

лась та утомительная, трудная дорога, про которую вспомнил онъ. Бхаль онъ тогда поступать въ университетъ съ старикомъ отцомъ; погода скверная; дожди, вѣтеръ; лошаденка еле ташится по размокшей дорогѣ; онъ самъ измокъ и пророгъ; холодная шинелька грѣеть мало; печальные слѣды бѣдности и горя свинцомъ легли на отца и рано согнули его, и рано провели множество морщинъ на лицѣ и самому молодому Петровскому, съ его неутомимой энергией и закаленной въ нуждѣ волей, страшно грустно и хочется заплакать, и хочется проклясть эту неумолимую бѣдность..... а тутъ ночь темная, ненастная, на колесахъ навертѣлись глыбы грязи, лошадь останавливается, отецъ съ сыномъ вылезаютъ изъ телеги и идутъ пѣшкомъ, скользя и по колѣю завязая въ грязи. Петровский вздрогнулъ отъ одного воспоминанія этого длиннаго, тяжкаго пути.—Солнце стало заходить, когда открылось большое село, гдѣ должны были ночевать наши путники; черезъ полчаса они уже и вѣзжали въ него. По всему было видно, что здѣсь жиль народа зажиточный, вездѣ крѣпкіе опрятные домики съ цѣльмы окнами, дворы обнесены плотными загородками; все выбѣлено, вычищено—признакъ малороссіевъ; по улицѣ проходили молодицы и статныя девчата, опрятно одѣтыя; на небольшомъ возвышениі стояло окруженнное акаціями красивое сельское училище и напротивъ него сельская расправа. Петровскій полюбовался этимъ видомъ благосостоянія и невольно сравнивъ съ своей бѣдной далекой родиной: «эхъ, не таковъ ты нашъ край родной долготерпѣнья, край ты русскаго народа», печально и кисло глядя на улицу твои низкія, пузыремъ затянутыя окна; на бокъ завалились гнилые избушки; пообдергала скотина, да поразметалъ буйный вѣтеръ рѣденькую соломку на крышѣ, нохились вмѣстѣ съ поддержками плетни, сквозь которые видна вся жалкая нищета крестьянскаго двора; изнуренная, худая женщина не въ цветѣнной плахтѣ, а въ грубой, изношенной понявѣ пробирается черезъ улицу и тихо все да глухо, развѣ кричитъ оглушительно оставленный въ избѣ ребенокъ, да перебраниваются черезъ улицу двѣ бабы за какую-нибудь ветошку.... Голосъ Ольги прервалъ размышленія Петровскаго.

—Здѣсь намъ помѣщеніе-то будетъ комортабель—

нѣй, чѣмъ тамъ: посмотрите какой славный постоянный дворъ.

Ожинцевы прїѣхали немного ранѣе студента и гимназиста и Ольга ужъ стояла на чистомъ крылечкѣ и развязывала свой платокъ. Домъ дѣйствительно былъ хороши; внутри чисто и прохладно; густо разросшаяся сирени заслоняли излишний свѣтъ и навѣвали прохладу. Двѣ большія комнаты были къ услугамъ проѣзжихъ; мужчины расположились въ одной, а другая предоставлена была Одѣгѣ,—тамъ-же расположились пить чай. Ожинцевъ долго толковалъ о чемъ-то съ хозяйкой и наконецъ съ торжествомъ вынесъ бутылку наливки.

—Мы сегодня, зададимъ пиръ горой, сказалъ онъ, вотъ вамъ благословенный напитокъ Украины, нехотите—ти чокнемся.

Петровскій попробовалъ и нашелъ, что этотъ напитокъ несравненно лучше многихъ винъ, подъ громкими названіями, которыя они осушали на своихъ собранияхъ. Ожинцевъ-же не могъ нахвалиться имъ; пилъ его съ чаемъ, угощалъ гимназиста и даже упрашивалъ Ольгу выпить хоть рюмочку; она впрочемъ рѣшительно отказалась. Бесѣда развязалась, наши проѣзжіе болтали безъ умолку, разсказывали анекдоты, смеялись и незамѣчали какъ проходило время и начинало темнѣть. Ольга предложила идти гулять; предложеніе приняли всѣ и тотчасъ-же отправились; Ольга съ Петровскимъ впереди, а гимназистъ съ Ожинцевымъ, который объяснялъ ему устройство ружейныхъ замковъ, немножко отставали.

—Такъ вы говорите, сказала Ольга, продолжая начатый разговоръ, что еще съ дѣтства полюбили чтеніе и пристрастились къ нему.

—Да, съ того времени, какъ я помню себя я перечитывалъ все, что мнѣ попадалось, живши еще у отца перечитывалъ много разъ какой-то драматический вѣстникъ конца прошлаго столѣтія и заучивалъ напамять цѣлые монологи, а потомъ живши у помѣщика, гдѣ меня приготавляли въ гимназію, я потихоньку таскалъ книги изъ старого шкафа, убѣгалъ въ тѣнистый садъ и тамъ въ самомъ тлухомъ, заросшемъ уголкѣ читалъ до ог҃ненія и чего не пришлось мнѣ перечитать тогда: и Парижскія Тайны, и Вѣчнаго Жида, и Репертуаръ русскаго театра по крайней мѣрѣ лѣтъ за десять. Въ гимна-

зіп открылся мнѣ еще больший просторъ: тамъ я могъ доставать новые журналы и, нужно отдать справедливость, времія самаго рѣянаго чтенія было и самымъ моимъ счастливымъ временемъ; потомъ съ возрастомъ эта неутомимая жажда къ чтенію прошла; я уже читалъ съ выборомъ, не просиживалъ ночей безъ сна, не приходилъ въ отчаяніе отъ недочитанной книги; наставала потребность новыхъ ощущеній.

— Я тоже, сказала Ольга, рано полюбила чтеніе, но только у меня развилась эта страсть постепенно и не такъ самобытно, какъ у васъ. Моимъ руководителемъ былъ нашъ дальний родственникъ, жившій вблизи моей тетки въ своемъ имѣніи. Человѣкъ онъ былъ необыкновенно добрый и образованный, слыть даже въ прежнее время литераторомъ, но не знаю, горѣли семейное, или просто неудачи въ жизни, только на него по временамъ находили припадки полусумасшествія; все что онъ читалъ, видѣлъ, или слышалъ, онъ относилъ къ самому себѣ: онъ былъ въ одно время и Александромъ Македонскимъ, и Петромъ Великимъ, и Вольтеромъ; рассказывалъ отъ своего лица всю ихъ исторію, подробно упоминая о самыхъ незначительныхъ фактахъ, приводилъ подлинныя слова всѣхъ лицъ историческихъ и нужно замѣтить, что говорилъ онъ съ большимъ увлеченіемъ и краснорѣчіемъ,—забываешь бывало о его сумасшествії. Вотъ онъ-то и доставлялъ мнѣ книги и журналы, которые выписывалъ самъ; онъ на всѣ статьи писалъ разборы и краткія выписки изъ нихъ присыпалъ мнѣ; самъ отмѣчалъ, что стоитъ читать и что неѣть. Да, много онъ добра сдѣлалъ мнѣ, и послѣ его смерти въ жизни мнѣ долго недоставало чего-то. Ольга слегка вздохнула, а потомъ живо обратилась къ Петровскому, «а вы сами ничего не пробовали писать?»

— Какъ не пробовать! я даже неѣкоторое время мечталъ сдѣлаться совершеннымъ литераторомъ.

— Ну, что-же?

— Да силъ не хватаетъ, таланту неѣть.

— А все-таки вы написали что нибудь?

— Написалъ неѣсколько рассказовъ, одну повѣсть и половину комедіи, да потомъ самъ-же увидалъ, что всѣ это молodo и слабо, и что многого въ нихъ недостаетъ.

— Чего-же, по вашему мнѣнію?

— Незнаю право, что сказать вамъ; во первыхъ черезъ чуръ мало объективнаго созерцанія: все что я перечувствовалъ самъ, всѣ тѣ положенія, въ какихъ я бывалъ, тѣ лица, какія я видалъ въ жизни,—все это выходило сносно, но чуть я пускался въ сферу неиспытанной жизни, лишь только хотѣлъ изобразить неизвѣданныя мной страсти, или незнакомыя мнѣ лица,—все выходило блѣдно, слабо, риторически патинуто; я подумалъ, подумалъ, да и машиналъ рукою; вѣдь своихъ приключений и страстей на много не станетъ и тогда о чёмъ прикажете писать?

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧАСТИЧНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ЗАЯВЛЕНИЯ.

1) Продаются легкія троекія сани, обитыя ковромъ; цѣна 20 р. сер.; спросить въ домѣ Дмитриева, на Подгорномъ переулкѣ. (93)—1.

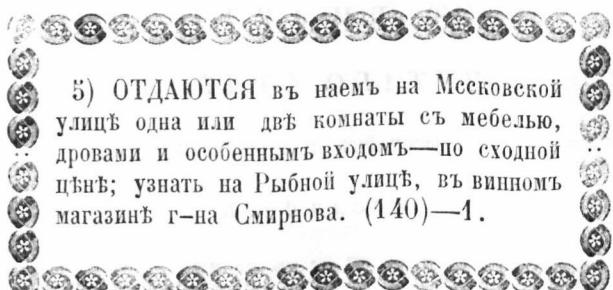
2) Продается вѣнскій ролль прекрасной работы; за Лопанью, въ домѣ Ивановой, на Конторской улицѣ, за умѣренную цѣну. (91)—1.

3) Продаются вновь отѣланныя орѣховые сани, съ медвѣжьей опушкой; двухмѣстныя, съ дышломъ; на Екатеринославской, въ домѣ Головковой.

Тамъ-же продается душъ. (120)—1.

— Да, говоритъ да и, фінансовая ли это контора? —

— Управляющій имѣніемъ предлагаетъ свои услуги; узнать у часоваго мастера Роя, на Мокров. улицѣ. (72)—1.

5) ОТДАЮТСЯ въ наемъ на Московской улицѣ одна или двѣ комнаты съ мебелью, дровами и особеннымъ входомъ—по сходной цѣнѣ; узнать на Рыбной улицѣ, въ винномъ магазинѣ г-на Смирнова. (140)—1.

6) Въ домѣ Штейфонъ, во 2-й ч. город. Хар. отдается небольшая семейная квартира. (62)—1

7) Продается четырехмѣстный тарапантасъ по сходной цѣнѣ, очень хорошей, прочной работы.—На Екатеринославской, въ домѣ Головковой; спросить кучера Якова. (116)—2.

8) Гг. владельцамъ винокуренными и пивоваренными заводами,

НІМЕЦЪ, техникъ, недавно прибывшій сюда, честь импѣть предложить свои услуги для производства винокурения, пивоваренія, дестилляціи уксуса и вообще всего, что относится къ подобному роду фабрикаціи. Тоже дѣлаетъ онъ портеръ, котораго нельзя отличить отъ настоящаго англійского.

Многолѣтнія мои занятія въ различныхъ первомѣстныхъ заводахъ и фабрикахъ Германіи и Голландіи, доставляли случай основательно изучать всѣ способы, въ особенности новѣйшия, необходимые успешному производству вышеозначенныхъ фабрикацій. Онъ-же принимаетъ на себя устройство новыхъ заводовъ или перестройку старыхъ, по новѣйшимъ американскимъ и голландскимъ конструкціямъ и притомъ съ возможно меньшими издержками. Адресоваться можно:

помощнику Митрофану Андреевичу Антонову, харьковской губ., изюмскаго уѣзда.

Въ Харьковѣ, въ магазинѣ Якобсона на Московской ул., въ д. Витковскаю. (700)—2

9) ДЛЯ ЗИМНИХЪ ПЛАТЬЕВЪ—

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ различныхъ **НОВЫХЪ ШЕРСТЯНЫХЪ МАТЕРИЙ** полученъ и продается по

ВЕСЬМА СХОДНЫМЪ ЦѢНАМЪ,—

ВЪ МАГАЗИНЪ ЯКОБСОНА,
на Московской улицѣ. (130)—2.

10) Продаются 2 хорошия хозяйственныхъ лошади; спросить въ аптекѣ г. Шмальцена. (61)—3.

11) Продается лѣсъ разнаго качества, валковскаго уѣзда, въ 50 в. отъ Харькова; о цѣнѣ узнать на Конторской ул., въ д. Павловой, у повара Василія. (107)—4

12) Квартира о четырехъ покояхъ со службами,—на Сумской улицѣ, въ домѣ д. с. с. Альбрехтъ, въ мезонинѣ; о цѣнѣ можно узнать у хозяйки дома, отъ 10 до 12 часовъ утра. (120)—2

М. ШТАРКМАНЪ et Co,

ВЪ ХАРЬКОВЪ.

Магазинъ мужскихъ туалетовъ и заказовъ на платье,

импѣть честь довести до свѣдѣнія почитеннѣйшей публики, что онъ къ наступающему зимнему сезону, запасся самыми свѣжими това-

ромъ знаменитѣйшихъ фабрикъ Франціи и Англіи, а также самыми послѣдними журналами модъ для всевозможныхъ фасоновъ одежды, и самаго лучшаго выбора рубахъ билефельдскаго полотна, цѣною отъ 5 до 15 р. сер. по-шту-
чино. Многочисленный выборъ новыхъ галстуковъ и шарфовъ.

При томъ постоянно заботясь о пріобрѣтѣ-
ніи всеобщаго довѣрія, относительно сходныхъ
цѣнъ, достоинства и отдельки товара, онъ и
на передѣ не упуститъ этого изъ виду. (242) 5.

14) Нужна корова пльмецкая, въ д. Ковалев-
ской, противъ Благовѣщенія.

Тутъ-же продается коляска четырехмѣст-
ная, съ дорожнымъ приборомъ, варшавской ра-
боты. (116)—5.

15) Продаются дубовые дрова 1 и 2 сорта; о
цѣнѣ спросить на Благовѣщенской улицѣ, въ
домѣ Канивальского, противъ сада Алфераки,
гдѣ можно также видѣть образецъ этихъ
древъ. (130)—5.

16) ЧАША

оплоченный по новому тарифу полученъ и по-
ступило въ распродажу по дешевымъ цѣнамъ,
именно:

Цвѣточный отъ 2 р. 20 к. до 5 р.

Красненький отъ 1 р. 20 к. до 2 р.

Въ магазинѣ П Гольдингеръ, на Московской
улицѣ, въ домѣ Костюрина. (180)—5.

17) По случаю выѣзда продается 2-хъ
мѣстная городская карета, съ мѣстеч-
комъ, на лежачихъ рессорахъ, съ ва-
жали и сундукомъ—за склонную цѣнку.
Тутъ-же продается упряжь наклад-
наго серебра и новый армякъ; на Ека-
теринослав. улицѣ, въ домѣ Лещенка,
спросить человѣка Василія. (210)—3.

18) БИЛЕТЫ ПЯТАГО ОТДѢЛА

высочайше разрѣшенной

послѣдней

ЛОТЕРЕИ.

Главный выигрышъ составляетъ 250,650 р.,
имѣнія Оришевъ, и значительныхъ денежныхъ
суммъ, получены и продаются по московскимъ
цѣнамъ

ВЪ МАГАЗИНЪ УКШЕ.

3-й классъ.

Розыгрышъ начнется 17 декабря 1862 г.

1 главный выигрышъ.

Имѣніе въ	250,650 р.
1 большой выигрышъ	20,000 »
1 — —	15,000 »
1 — —	6,000 »
2 выигрыша по 2,500 р. или	5,000 »
4 —	4,900 »
10 —	5,000 »
30 —	3,000 »
150 —	6,000 »
2,600 —	91,000 »

2,800 билетовъ выигрываютъ 405,650 р.

Цѣны: за полный билетъ 32 р., за полбі-
лета 16 р., за четверть билета 8 р. 50 к.

Главные выигрыши 5 отделья 2 класса пали въ

6000 р. на № 16726

3000 » » 2365

2000 » » 21699

1000 » » 9647

Желающіе участвовать благоволять отнес-
тись въ магазинъ Укшѣ,—на Николаевской пло-
щади, въ д. Ковалева.

Тамъ-же выплачиваются выигрыши IV-го
отделья 1 и 2 класса V-го отделья. (666)—2.